

1914-1918

MEDUMI

18+

Ярослав Кичало

**военно-исторический
роман Пепел Медуми**

«Автор»

2026

Кичало Я. Я.

военно-исторический роман Пепел Медуми / Я. Я. Кичало —
«Автор», 2026

«Пепел Медуми» — пронзительный и жёсткий военно-исторический роман, основанный на реальных фактах из жизни Михаила Ушакова, сына русского генерала и наследника роскошного латгальского имения. Через призму судьбы молодого русского офицера автор без прикрас показывает весь окопный реализм и удушающий кошмар Первой мировой войны: физиологический ужас немецких газовых атак, безумие рукопашных схваток в тесных траншеях и трагическое крушение Российской империи. Кульминацией романа становится дерзкий ночной рейд группы русских «охотников» по латгальским болотам с целью штурма неприступного бетонного бункера кайзеровских войск и пленения вражеского командующего. Это история о выжженной дотла юности, цене офицерской чести и ледяной ярости человека, который потерял всё, но продолжил защищать пепелище своего отчего дома. Книга заставит читателя содрогнуться от подлинных ужасов войны и навсегда изменит взгляд на трагедию «забытого» поколения XX века.

© Кичало Я. Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пепел Медуми	5
Ярослав Кичало	5
Предисловие	6
Часть 1 Возвращение в разрушенный рай	9
Глава 1 Мальчик из рая	10
Глава 2 Последний закат в Латгалии	15
Глава 3 Осколки разбитого рая	17
Глава 4 эшелон на фронт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

военно-исторический роман Пепел Медуми

Пепел Медуми

Ярослав Кичало

В тесных траншеях Бога нет. Там есть только два зверя, вцепившихся друг другу в глотки посреди раскисшей глины. И побеждает тот, кто успеет забыть, что он был человеком.

Фронтной фольклор Двинского укрепрайона.

Война — это не парад с оркестром. Война — это грязная, вонючая яма, где человек заживо гниёт под дождём, пока железо рвёт его мясо на куски.

Из фронтового дневника неизвестного русского офицера, 1916 г.

Предисловие

Современный посёлок Медуми на самом юге Латгалии встречает тишиной, вековыми соснами и зеркальной гладью глубоких озёр. Сегодня это место кажется земным раем, уголком абсолютного покоя. Но если сойти с асфальтированной дороги и углубиться в лесную чащу, земля под ногами начинает говорить. Она изрезана глубокими шрамами — старыми окопами, зияющими воронками и заросшими мхом ходами сообщения.

Идея этого романа родилась в экспозиции музея Первой мировой войны в Медуми. Переступая порог этого скромного, но собранного с огромной любовью музея, ты словно проваливаешься на сто десять лет назад. Рассматривая проржавевшие штыки, пробитые осколками каски, солдатские котелки и личные вещи тех, кто волею судьбы оказался заперт в этом позиционном аду, я отчётливо понял, что эти стены и эта земля хранят трагедию, масштаб которой мы едва способны осознать.

Пройдя по специально созданной военно-исторической тропе, я своими глазами увидел то, что время оказалось не в силах уничтожить. Посреди глухого латгальского леса до сих пор стоят массивные, мрачные немецкие бетонные бункеры, доты и командные блиндажи. Эти серые монолиты, обросшие лишайником, до сих пор смотрят своими чёрными амбразурами на восток. Находясь внутри этих сырых, холодных бетонных коробок, кожей ощущаешь тот липкий, первобытный ужас, который испытывали люди под ураганным артиллерийским огнём. Именно здесь, на линии фронта «Жизнь и смерть», с 1915 по 1918 годы ломались судьбы, гибли империи и стирались с лица земли целые поколения.

К началу 1916 года живописный ландшафт медумской земли был превращён германской армией в мощный узел обороны, сменив сосновые боры на бездушную геометрию бетона. Используя тысячи тонн цемента и рабский труд, оккупанты возвели многоэтажные железобетонные укрепления, способные выдержать огонь тяжёлой артиллерии и навсегда изменившие облик региона. Подробные данные о фортификационных сооружениях, ставших препятствием для русской армии, приведены ниже.

Осенью 1915 года наступление кайзеровских войск на Двинск захлебнулось благодаря отчаянному сопротивлению 5-й русской армии под командованием генерала П. Плеве. Фронт стабилизировался, рассёк Медумскую волость пополам и превратился в знаменитую «Линию жизни и смерти». Немецкое командование осознало: блицкриг провалился, впереди изнурительная зима и затяжная позиционная война.

В то время как русские войска из-за дефицита снабжения закапывались в классические деревянно-земляные окопы, германская армия подошла к вопросу обороны с чисто немецким инженерным размахом. Между озерами Свенте, Медуми и Лаукесас они развернули масштабное фортификационное строительство, превратив Латгалию в один из самых укрепленных узлов Восточного фронта.

Строительство началось в октябре 1915 года и координировалось специальными военно-инженерными батальонами. По архивным данным, немцы развернули колоссальную логистическую сеть: узкоколейные железные дороги: от глубокого тыла (со стороны оккупированного Ново-Александровска, ныне Зарасай) к лесам Медуми немцы проложили военно-полевые узкоколейки. По ним круглосуточно курсировали лёгкие паровозы, доставлявшие тонны портландцемента, стальную арматуру, рельсы и бронеколпаки.

На лесозаготовках, рытье котлованов и замешивании бетона немцы массово использовали военнопленных и мобилизованное местное латышское и литовское гражданское население.

Бетонные укрепления Медуми строились «на века». В качестве наполнителя немцы использовали не просто речной песок, а колотый латгальский гранит из местных валунов. Бетон заливался слоями, тщательно трамбовался и укреплялся толстой стальной арматурой. Толщина стен и потолочных перекрытий стандартного бункера составляла от 100 до 150 сантиметров, что позволяло выдерживать прямое попадание тяжелого русского 105-мм или 152-мм артиллерийского снаряда.

Согласно немецким оборонительным картам, германские позиции под Медуми состояли из трёх глубоко эшелонированных линий, расположенных на расстоянии от 500 метров до километра друг от друга.

Первая линия (передовая рубежная зона) пролежала непосредственно по южному и западному берегам озер Медуми и Свенте. Здесь возводились малые огневые точки и пулемётные доты. Немцы искусно вписывали их в ландшафт: амбразуры маскировались дёрном и срезанными ветками, выходя прямо на зеркало воды. Задача этой линии — перекрёстным пулемётным огнём отсечь любые попытки русских войск форсировать озёра по льду или лодками.

Вторая линия (междуозёрный оборонительный вал) располагалась на сухопутных перешейках и холмах между группами озёр, проходя вдоль нынешней латвийско-литовской границы (озера Кампинишки — Лаукесас). Это был самый мощный узел. Здесь строились:

убежища для пехоты (огромные подземные казармы, рассчитанные на размещение взвода или полуроты (20–40 человек). Внутри были двухъярусные нары, печи-калориферы, вентиляционные шахты со шлюзами против газовых атак и автономные колодцы с питьевой водой;

артиллерийские капониры и погреба боеприпасов (массивные бетонные полукапониры, куда закатывались полевые орудия на время русских артобстрелов). Перед капонирами настилались бетонные платформы для ведения огня.

Третья линия (командно-тыловой рубеж) пролежала в районе местечка Египет (на границе с Литвой). Здесь находились узлы связи, госпитали и командные бункеры-абверы.

Эту информацию мне удалось собрать в латвийских и российских исторических архивах. Там же я изучал пожелтевшие фронтовые карты, оперативные сводки Двинского оборонительного района, письма и дневники очевидцев. Среди сухих строчек рапортов и списков потерь передо мной постепенно выросла фигура реального человека — Михаила Михайловича Ушакова, сына русского генерала, чья семья когда-то владела этими землями и превратила Медуми в процветающий курорт, «латгальскую Швейцарию».

Каково это — вернуться с ускоренных курсов школы прапорщиков на фронт и обнаружить, что твоя родина, дом твоего детства, превращены в выжженную пустыню? Каково это — вести своих солдат в бой по тропинкам, где ещё вчера ты гулял гимназистом?

Архивные документы сохранили лишь костяк его биографии: Царскосельская гимназия, Петергофская школа прапорщиков, окопы под Двинском, чин поручика, а спустя десятилетия — арест НКВД, исправительный лагерь и забвение в сибирской ссылке. Но то, что происходило в его душе там, в медумских лесах, оставалось скрыто от глаз историков.

Этот роман — попытка вдохнуть жизнь в архивные строки.

Вверая вам историю прапорщика Ушакова, я хотел показать всю неприглядную, страшную правду той войны. Здесь нет глянцевого, плакатного героизма. Здесь есть только удушливый злёный газ, ползущий по болотам и окопам, хрипы умирающих без противогазов, вши,

промёрзшая глина окопов и яростное, лоб в лоб, противостояние двух великих армий — Русской императорской и Кайзеровской германской.

«Пепел Медуми» — это дань памяти всем, чьи жизни и мечты были перемолоты жерновами Первой мировой войны, и чьи кости до сих пор покоятся в неизвестных могилах под вековыми латгальскими соснами.

Часть 1 Возвращение в разрушенный рай

Глава 1 Мальчик из рая

Солнечные блики дрожали на безупречной паркетной доске гостиной, когда Миша Ушаков впервые услышал слово «дворянин». Ему было семь лет. Из раскрытых окон усадьбы Медум лился густой, одуряюще сладкий аромат цветущей липы, смешанный с прохладным дыханием огромного озера.

В те годы Медуми казалось Михаилу центром вселенной — уединённым, залитым солнцем раем, который его отец, генерал-лейтенант Михаил Александрович Ушаков, сотворил буквально из ничего.

Отец был человеком твёрдой, кремнёвой закалки. Высокий, широкоплечий, с окладистой, серебрящейся на солнце седой бородой, пахнувший дорогим заграничным табаком и сукном парадного мундира, он олицетворял собой нерушимую, гранитную мощь Российской империи.

За спиной генерала стояли десятилетия безупречной армейской службы, ранения, полученные в былых походах, и непреклонная исполнительность кадрового боевого офицера.

Выйдя в почётную отставку, Михаил Александрович не пожелал доживать свой век в душном, казённом Санкт-Петербурге. В прошлом генерала были десятилетия безупречной гвардейской службы, но главным предметом его скрытой, благородной гордости были годы, проведённые в должности личного адъютанта Его Императорского Высочества Великого князя. На этой высокой, приближенной к престолу службе генерал до тонкостей изучил законы высшего света, обрёл блестящие связи в министерствах и развил тот безупречный, аристократический вкус, который теперь бережно переносил на латгальскую землю.

Именно эта былая близость к великокняжескому двору и высокое положение в Табели о рангах позволила отставному военачальнику развернуть в Медуми строительство с поистине имперским размахом, заставив говорить о его имени в самых закрытых петербургских салонах.

В конце 1880-х годов, замороженный дикой, первозданной красотой южной Латгалии, он выкупил эти обширные, но запущенные земли у барона фон Этингена. На месте старого полуразрушенного рыцарского фольварка генерал загорелся идеей воздвигнуть не просто семейное имение, а превратить этот глухой, забытый богом латгальский угол в цветущую, респектабельную «латгальскую Швейцарию».

Для боевого генерала строительство стало его последней, самой главной мирной кампанией. Михаил помнил, как отец часами расхаживал по холмистому берегу озера с приглашённым из столицы архитектором Лацким. Отставной военачальник размашисто шагал по росе, увлечённо размахивая своей тяжёлой тростью с костяным набалдашником, и зычным голосом указывал, где именно прорубить безупречно ровные смотровые аллеи, где высадить редкие, специально выписанные из-за океана канадские ели, а где разбить тенистый английский парк с каскадами прудов. Под строгим хозяйским надзором земля преображалась на глазах. Из столицы вагонами везли кирпич и гранит, на берегах озера выросли белые купальни, изящные беседки-ротонды и роскошный двухэтажный господский дом с просторными верандами, выходящими на зеркальную гладь воды.

Генерал Ушаков подошёл к делу со стратегическим размахом: он быстро понял тактическую выгоду этого места, расположенного у тракта, и вскоре Медуми превратилось в престиж-

ную климатическую станцию, так в Российской империи рубежа XIX–XX веков называлось то, что мы сегодня называем санаторно-курортной зоной.

В те годы медицина ещё не имела антибиотиков, и главным лекарством от главных болезней века — чахотки (туберкулёза), нервного истощения, депрессии, малокровия и ревматизма — считался особый целебный воздух. Места с уникальными природными условиями (сосновые боры, обилие озёр, отсутствие болотных испарений и фабричного дыма) получали официальный государственный статус «климатической станции».

Генерал Ушаков, неожиданно обнаружив в себе коммерческий задор, превратил чудесное имение в элитную здравницу.

Парк, который заложил ландшафтный архитектор Лацкий, состоял из сосен, лип и редких канадских елей. Выделяемые ими фитонциды в сочетании с озёрным бризом считались наипервейшим лекарством для лёгких.

На берегу Медумского озера были построены настилы, изящные купальни и лодочные станции. Дачники практиковали оздоровительное плавание, катание на вёслах и «кумысолечение» (модное в те годы питьё кобыльего молока для укрепления здоровья).

Генерал не просто построил усадьбу для себя, он размежевал часть земли на участки и выгодно сдавал или продавал их под строительство летних вилл.

Медуми быстро завоевало славу «латгальской Швейцарии». Сюда, спасаясь от сырого климата Санкт-Петербурга, на всё лето устремлялась высшая столичная знать: сенаторы, богатые купцы, университетская профессура и гвардейские офицеры с семьями. Самым знаменитым гостем медумской климатической станции был русский писатель Корней Чуковский, который подолгу жил здесь, вдохновляясь местной природой.

Для маленького Миши отцовское имение было не просто домом — оно было осязаемым воплощением порядка, красоты и нерушимости их семейного счастья, которое, казалось, будет длиться вечно под надёжной защитой боевого генерала.

Здесь, в Медуми, каждое лето катилось неспешно, залитое ласковым балтийским солнцем и до краёв наполненное безмятежным, звенящим счастьем. Для юного Миши Ушакова эти месяцы были похожи на затяжной, прекрасный праздник, где каждый день пах свежескошенной травой, озёрной водой и сдобными булками, которые подавали к утреннему чаю на веранде.

К середине июня со стороны Двинска по главному тракту одна за другой тянулись наёмные пролётки, гружённые плетёными кожаными сундуками и огромными картонными коробками с парижскими шляпками. Из душного Санкт-Петербурга в «латгальскую Швейцарию» съезжалась самая изысканная, чиновная и гвардейская публика. На дачах, выстроенных вокруг генеральского парка, селились сенаторы, профессора столичного университета и, иногда, чванливые купцы непременно первой гильдии, искавшие спасения для своих слабых лёгких в целебном сосновом воздухе медумских высот. Из открытых окон резных деревянных вилл, утопающих в зарослях сирени, с утра до вечера доносились гаммы, ленивый стук костей домино и приглушённые звуки исполнения классической фортепианной музыки.

Михаил помнил, как зеркальное плесо Медумского озера с утра покрывалось десятками лёгких прогулочных лодок. Столичные барышни в ослепительно белых крахмальных платьях и кружевных капорах, спасавших нежную кожу от загара, сидели на корме, кокетливо прячась под шелковыми зонтиками. Их кавалеры — молодые гвардейские офицеры в расстёгнутых кителях и студенты в форменных тужурках — дружно налегали на вёсла, со смехом соревнуясь, кто быстрее доберётся до дальнего камышового мыса. На деревянных купальнях, выстроенных по приказу отца, чинно прогуливались пожилые господа, обсуждая статьи из «Нового времени» и неторопливо потягивая целебный кумыс, который ежедневно доставляли с генеральской фермы.

Сам Миша, предоставленный в эти летние дни самому себе, казался местным дачникам неотъемлемой частью этого озёрного рая. Загорелый до черноты, в полотняных штанах, голый по пояс и босиком, он носился с деревенскими мальчишками по тенистым аллеям, заложенным архитектором Лацким. Они ловили раков у старого моста, удили жирных окуней прямо с отцовского причала и до хрипоты спорили, играя в лапту на широкой поляне у господского дома. По вечерам, когда над озером ложился густой, пахнувший липовым цветом туман, вся медумская элита собиралась в курзале на летние чтения или музыкальные вечера. Там, при свете керосиновых бра, юный Михаил заворуженно слушал, как приглашенный отцом молодой, но уже известный столичный литератор Корней Чуковский, жестикулируя длинными руками, читал дачникам свои новые юморные фельетоны.

В те благословенные годы никому из них — ни сенаторам, ни прекрасным барышням на лодках, ни самому генералу Ушакову — и в страшном сне не могло присниться, что этот чудесный, пахнувший покоем и кувшинками мир обречён. Пройдет чуть больше десяти лет, и эти безупречные аллеи Лацкого будут наглухо перекрыты колючей проволокой, столетние канадские ели немецкие сапёры пустят на настилы блиндажей, а зеркальная гладь озера покроется масляными пятнами и трупами солдат, захлебнувшихся в ядовитом облаке кайзеровского фосгена.

Мать Михаила, тихая и утончённая женщина, была истинной душой этого места. Если генерал олицетворял собой строгий каркас, дисциплину и гранитный порядок медумского рая, то Мария Владимировна наполняла усадьбу мягким внутренним светом, уютом и музыкой. Урождённая дворянка старинного петербургского рода, она принесла в Латгалию ту едва уловимую, столичную поэтическую атмосферу, которая превращала обычное провинциальное имение в культурный оазис.

Михаил на всю жизнь запомнил её образ: тонкая, хрупкая, с неизменной задумчивой улыбкой на бледном лице и удивительно тёплыми, светлыми глазами, в которых никогда не было злобы или раздражения. Она одевалась просто, но с безупречным столичным вкусом, предпочитая лёгкие светлые платья и неизменную кружевную шаль, которую накидывала на плечи по вечерам, когда с Медумского озера тянуло прохладой. В то время как муж руководил мелиорацией и размечал с архитектором Лацким новые аллеи климатической станции, Мария Владимировна создавала её невидимую, духовную ткань.

Под её чутким покровительством господский дом Ушаковых стал центром притяжения для всей приезжей профессуры и литераторов, гостивших на дачах. Она лично обустраивала летний курзал, заказывала из Риги и Санкт-Петербурга новейшие литературные журналы и устраивала благотворительные лотереи в пользу местной школы для крестьянских детей. В гостиной усадьбы Медум, у распахнутых настежь окон, за которыми шумел липовый парк, Мария Владимировна часами сидела за немецким роялем Беккера. Под её тонкими, длинными пальцами оживали ноктюрны Шопена, умиротворяя даже суровый нрав генерала, который в такие минуты тихо опускался в кожаное кресло у камина и закрывал глаза.

Для маленького Миши мать была безусловным прибежищем. Когда мальчишеские игры заканчивались ссадинами или детскими обидами, он бежал не к строгому отцу, а к ней. Мария Владимировна никогда не ругала его за испачканную косоворотку. Она мягко прижимала сына к себе, гладила по загорелой макушке своими пахнущими лавандой руками и тихо говорила слова, ставшие для него главным жизненным компасом: *«Помни, Мишенька, что бы ни случилось вокруг, мужчина должен беречь чистоту сердца. Настоящая сила — она не в кулаках и не в оружии, она в умении прощать и защищать тех, кто слабее»*, говорила она безупречным, певучим петербургским выговором, который через много лет Михаил Ушаков с замиранием сердца услышит в голодной Одессе от другой женщины.

Детство Миши закончилось внезапно, уступив место строгой дисциплине Царскосельской гимназии. Мальчик рос, но каждую свободную неделю стремился назад, в Латгалию. Он знал здесь каждое дерево, каждую охотничью тропу в лесах вокруг Свенте, каждый скрытый брод через коварные прибрежные болота. Отец учил его: *«Миша, мужчина должен знать землю, на которой живёт, как собственную ладонь»*. Тогда никто не знал, какой страшной ценой обернется эта наука.

В 1912 году Михаил поступил в Императорский университет. Жизнь казалась ясной и предсказуемой: лекции, балы, блестящее будущее. Но август 1914-го перечеркнул всё. Грянула война. Поначалу она казалась далёкой, грохочущей где-то в Восточной Пруссии и Галиции, но вскоре затяжной позиционный характер боины потребовал от империи новой крови. Армия стремительно теряла кадровых офицеров. Студентов-«цензовиков» начали призывать на ускоренные курсы.

Осенью 1915 года Михаил Ушаков, оставив университетскую скамью, шагнул за ворота 1-й Петергофской школы прапорщиков.

Это были девять месяцев выжженной дотла юности. Романтика войны испарилась в первые же дни среди казарменной сырости, бесконечной шагистики и криков фельдфебелей. Их учили наспех, по сокращённой программе. Вчерашних студентов, поэтов и юристов набивали военными знаниями, как патронные цинки: устройство трёхлинейной винтовки Мосина, топография, тактика окопного боя, насаживание штыка. Михаил засыпал с гудящими от усталости ногами, а перед глазами стояли чертежи укреплений и схемы пулемётных гнёзд. Их готовили быть «живым мясом» — младшими офицерами, чья продолжительность жизни на передовой в те месяцы составляла в среднем две недели.

30 сентября 1916 года на плацу школы зачитали приказ. На плечи Михаила легли узкие суконные погоны прапорщика. Из зеркала на него смотрел совсем другой человек — с осунувшимся лицом и непривычно жёстким взглядом.

В штабе Двинского оборонительного района, расположенного в Витебске, куда новоиспеченный прапорщик прибыл за предписанием, за столом сидел прокуренный, смертельно уставший полковник. Он долго изучал личное дело Ушакова, переводя взгляд с карты фронта на молодого офицера.

— Ушаков... — прохрипел полковник, кашляя от махорочного дыма. — Михаил Михайлович? Из дворян? Постойте-ка. Так имение Медум Курляндской губернии — это ваших родителей гнездо?

— Так точно, господин полковник, — вытянулся Михаил. — Родовое имение отца. Я вырос в тех местах.

Полковник горько усмехнулся, и эта усмешка Михаилу не понравилась. Она была похожа на оскал черепа.

— Ну что ж, прапорщик. Считайте, что вам крупно повезло. Или наоборот — как посмотреть. Там сейчас немцы окопались так, что зубами не выковырять. Бетоном заливают каждую сопку. Нам дозарезу нужны люди, которые знают ту местность не по картам, а ногами. Карты-то наши, прапорщик, врут безбожно, а латгальские болота ошибок не прощают. Отправляйтесь в распоряжение командира полка, держащего оборону у Медумского озера. Поедете защищать отчий дом.

Полковник размашисто подписал предписание и протянул его Ушакову.

— Ступайте. И да поможет вам Бог. Половина вашего выпуска уже лежит под Иллулкстом.

Если Михаил был любимцем матери, мечтателем и студентом, в чьих ушах до начала войны звучали лишь отголоски медумских романсов, то его старший брат Николай унаследовал отцовскую кремнёвую породу целиком. Николай не искал университетских вольностей. Его путь был предопределен с детства, когда генерал-лейтенант Ушаков впервые привёз сыновей

в Медуми и заставил их держать равнение перед строем гостей. Николай выбрал профессиональную военную стезю. Александровский лицей, а затем престижнейший Пажеский корпус в Санкт-Петербурге вылепили из него безупречного кадрового офицера.

К 1916 году Николай Михайлович Ушаков уже носил погоны поручика лейб-гвардии Конного полка — элиты из элит Российской императорской армии.

Братья были полной противоположностью друг друга, но Медуми оставалось их общим раем. Николай, приезжая в имение в отпуск, привозил с собой гвардейский блеск, запах столичного помажа и звенящие кавалерийские шпоры. Михаил помнил, как брат, лихо управляя парой вороных, мчал по ландшафтным аллеям парка Лацкого, поднимая вихри золотых осенних листьев. Николай смеялся над «гражданской» мягкостью Михаила, в шутку обещая «выбить из него университетскую дурь» на первом же совместном полевом выходе.

Глава 2 Последний закат в Латгалии

В июле 1914 года Медумское озеро казалось отлитым из тяжёлого, жидкого серебра. Солнце медленно опускалось за холмы Свенте, окрашивая верхушки столетних сосен Медумского парка в багровые, тревожные тона. С усадебной веранды долетал едва слышный стук фарфоровых чашек — мать разливала вечерний чай, о чём-то тихо переговариваясь с генералом.

Братья Ушаковы стояли на самом краю деревянного причала, у самой кромки воды. На Михаиле была простая университетская тужурка, расстегнутая у ворота, а в руках он держал старенький том стихов Блока. Николай, напротив, даже здесь, на отдыхе, оставался воплощением столичного гвардейского шика. На нём были безупречные белые летние шаровары, лёгкий китель лейб-гвардии Конного полка, а на сапогах тускло, но грозно поблёскивали кавалерийские шпоры.

Николай медленно раскурил дорогую сигару, выпустив в неподвижный латгальской воздух струю ароматного синеватого дыма.

— Посмотри на эту воду, Мишель, — негромко произнёс Николай, кивнув в сторону зеркальной глади озера. — Тишина-то какая... А в Петербурге только и разговоров, что о Сербии, мобилизации и австрийском ультиматуме. Государь вчера принимал французского президента. В воздухе, братец мой, пахнет большой грозой.

Михаил улыбнулся, не отрывая взгляда от страниц книги.

— Вы, военные, вечно бредите грозами, Коля. Стоит в Европе кому-то чихнуть, как в вашем Конногвардейском полку уже седлают лошадей. Полно тебе. Посмотри, какая благодать. Лацкий сотворил чудо — этот парк просто создан для покоя, а не для твоих кавалерийских манёвров. На следующей неделе приедут дачники из Сената, матушка хочет устроить музыкальный вечер...

Николай резко обернулся к брату. Его жёсткое, красивое лицо гвардейского офицера, обычно подтянутое и ироничное, сейчас было непривычно серьёзным.

— Музыкальный вечер? — Николай горько усмехнулся. — Эх, Миша, Миша... Университетские стены совсем тебя ослепили. Ты со своими поэтами проглядишь, как мир рухнет. Какая Бельгия? Какая Франция? Очнись! Германец спит и видит, как прибрать к рукам Прибалтийский край. Если начнётся — эти холмы и эти озера станут первыми на пути кайзеровских корпусов. Наша «латгальская Швейцария» окажется прямо под гусеницами их тяжёлых пушек.

Михаил наконец закрыл книгу и поднял глаза на брата. В его взгляде ещё читалась мягкость человека, не знавшего зла, но слова Николая заставили его поежиться от внезапного холода.

— Ты правда думаешь, что война дойдёт до Медуми? — тихо спросил Михаил, оглядывая ухоженные аллеи, белые колонны отцовского дома и канадские ели. — До нашего дома? Это же безумие, Коля. Зачем им этот глухой угол?

— Затем, что этот угол — ключ к Двинску и дороге на Петроград! — Николай сделал глубокую затяжку и швырнул окурочек сигары далеко в озеро. Окурочек с коротким шипением погас в воде. — Отец не дурак, он понимает. Вчера за ужином он долго разглядывал карты укрепрайона. Его старая рана к дождю ноет, а он сидит над топографией. Нам придётся драться, Мишель. И драться не на жизнь, а на смерть. Мне — в гвардейском авангарде, а тебе... тебе, боюсь, придётся сменить твои лекции на пехотный устав.

— Я пойду, если потребуется, — твёрдо ответил Михаил, выпрямляя спину. — Но я буду защищать именно это место. Эту воду, матушкин самовар, отцовские труды.

Николай подошёл ближе и крепко, по-медвежьи, обнял младшего брата за плечи. Шпоры на его сапогах издали короткий, чистый звон.

— хорошо сказано, брат, — уже мягче сказал Николай, взъерошив волосы Михаила. — Только пехота — это грязь и кровь, там стихами не отвоюешься. Ладно, пойдём к дому. Матушка, чай, заждалась. Давай наслаждаться этой тишиной, пока она у нас есть. Кто знает, сколько нам осталось пить чай на этой веранде.

Братья развернулись и не спеша пошли по гравийной дорожке парка к ярко освещённым окнам генеральского дома. Они шли плечом к плечу, два сына одной империи, объединённые любовью к своему маленькому латгальскому раю.

Они ещё не знали, что видят этот закат над Медумским озером вместе в последний раз. Через месяц грянет август 1914 года.

Война развела их по разным фронтам. Пока Михаил гнил в окопах 5-й армии, буквально вгрызаясь в руины их собственного уничтоженного дома у Медумского озера, Николай в составе своего гвардейского полка рубился на Юго-Западном направлении. Он не знал позиционной тоски пехоты. Его война была стремительной, яростной, пахнувшей конским потом, пороховым дымом кавалерийских атак и блеском обнажённых шашек. Кадровый гвардеец, Николай презирал смерть также, как их отец. Он получил два ранения, три боевых ордена, но оставался в строю, свято веря, что гвардия спасёт рушащийся трон.

Катастрофа 1917 года, вызвавшая у Михаила ледяную решимость удержать хотя бы свой клочок медумской земли, для Николая стала личной гибелью. Развал армии, братания пехоты с немцами и отречение Императора разорвали его мир на куски. Когда солдаты лейб-гвардии начали срывать погоны с офицеров, Николай не стал митинговать, как его младший брат. Он просто выхватил шашку и пристрелил двух зачинщиков бунта прямо на плацу полка.

Для него, кавалериста Империи, не существовало компромиссов. Когда фронт окончательно рухнул, Николай Ушаков не вернулся к матери в Витебск. Он ушёл на юг, туда, где зарождалось Белое движение. Его офицерская присяга была одна — единой и неделимой России.

В Вооружённых силах Юга России под знаменами генерала Деникина поручик Николай Ушаков воевал так, словно искал собственную пулю. В жестоких конных сцепках с красной кавалерией Будённого он не брал пленных и не просил пощады. Он защищал не просто строй, а ту самую уничтоженную веранду в Медуми, чаепития матери, седую бороду отца и право быть дворянином на своей земле.

Финал его военной одиссеи был трагичен и предсказуем. Весной 1920 года Белая армия покатила к морю. 25 марта 1920 года посреди паники, криков и хаоса Новороссийской катастрофы, когда тысячи офицеров бросались в ледяную воду, пытаясь зацепиться за борта уходящих судов, Николай сумел подняться на борт парохода «Бюргермейстер Шредер».

Эвакуация везла осколки уничтоженной русской гвардии на чужбину. Пароход доставил Николая на греческий остров Лемнос — бесплодный, продуваемый всеми ветрами клочок земли в Эгейском море, ставший гигантским лагерем для беженцев из Крыма и Новороссийска.

Там, в палатках среди камней и грязи, вчерашние блестящие гвардейцы гибли сотнями от голода, сыпного тифа и безнадёжности. Николай Михайлович Ушаков, перенёсший газовые атаки, кавалерийские рубки и потерю родины, сгорел от тифозной лихорадки за считанные дни. Он скончался 13 октября 1920 года. Его похоронили в безымянной могиле на каменистом кладбище мыса Пунда на Лемносе, под серым чужим небом, где шум Эгейского моря навсегда заглушил для него далёкий, родной плеск Медумского озера.

Глава 3 Осколки разбитого рая

Новость о том, что родовое гнездо Ушаковых в Медуми больше не существует, застигла генерал-лейтенанта Михаила Александровича в тыловом Витебске. В тот день, поздней осенью 1915 года, старый служака сидел в кабинете временной квартиры, наводнённой запахом чужого жилья и дешёвой казенной олифы. Когда ординарец протянул ему запечатанный пакет из штаба Двинского оборонительного района, генерал даже не потянулся за очками. Он знал, что там написано. Строгие, каллиграфические буквы рапорта полкового адъютанта сообщали сухо: *«В ходе артиллерийской подготовки германских войск господский дом имени Медум Курляндской губернии полностью разрушен прямыми попаданиями тяжёлых снарядов. Усадебный парк выжжён...»*

Михаил Александрович не проронил ни слова. Он медленно опустил лист на стол, подошёл к окну и долго смотрел на серые витебские крыши, за занавесом проливного дождя. Мужчина, который строил этот рай своими руками, выкупая каждую десятину у барона фон Этингена, заливая бетоном фундаменты климатической станции и выписывая из столицы ландшафтных архитекторов, постарел за одну секунду. На его широких генеральских плечах словно осела вся тяжесть рушащейся империи.

Его сердце, и без того изношенное десятилетиями безупречной армейской службы, не выдержало этого известия. Настоящий русский генерал, он мог пережить гибель полков под своим командованием, но уничтожение отчего дома, который он сотворил для сына и жены, убило его физически. Через две недели после получения рапорта Михаила Александровича разбил тяжёлый апоплексический удар. Он умирал тяжело, в бреду, постоянно требуя подать ему лошадь, чтобы «ехать в Медум, пока немцы не испортили канадские ели в парке». Он скончался, так и не придя в сознание, оставив супругу одну посреди хаоса прифронтового тыла.

Мать Михаила, тихая и утончённая женщина, которая когда-то была душой медумских музыкальных вечеров, осталась в Витебске совершенно одна. Горе от потери мужа и разрушения дома сломало её хрупкий мир, но в её груди все ещё теплилась последняя, отчаянная надежда — её Миша, её младший сын, в этот самый момент маршировал на плацу 1-й Петергофской школы прапорщиков.

Она не уехала в глубокий тыл, в сытый и далёкий Петроград. Вопреки уговорам родственников, вдова генерала осталась в Витебске, поближе к Двинскому оборонительному району. Каждое утро эта бледная женщина в строгом чёрном траурном платье прижимала к груди потемневший от времени серебряный самовар — единственную вещь, которую они успели вывезти из Медуми до прихода фронта. Она садилась на вокзале среди сотен плачущих беженцев, раненых и пахнущих махоркой солдат маршевых рот, всматриваясь в лица каждого молодого офицера. Она ждала своего сына, понимая, что его эшелон обязательно пойдёт через эти пути на передовую.

Когда в октябре 1916 года Михаил, уже в погонах прапорщика, прибыл в Витебск за предписанием, их встреча на вокзальной платформе длилась всего пятнадцать минут. Она обняла его — холодного, осунувшегося, пропахшего казарменной сыростью. Её тонкие, покрытые мелкими морщинками пальцы судорожно гладили суконные погоны на его плечах.

— Миша... сынок, — тихо, одними губами шептала она, пряча лицо на его груди, чтобы сын не видел её слёз. — Отец... отец перед смертью всё просил передать тебе... Береги себя, Мишенька. Дома больше нет. Ничего не осталось, сынок. Только ты и твой брат Николай у меня остались.

Михаил бережно держал мать за плечи. Он помнил её другой — в белом платье, со смеющимися глазами, разливающей чай на веранде под сенью медумских лип. Теперь перед ним стояла тень той женщины. Старуха с заплаканными, серыми глазами, затерянная посреди гигантской, бездушной военной мясорубки.

— Я знаю, мама. Я всё знаю, — глухо отвечал Михаил, целуя её сухие волосы. — Меня отправляют туда. В Медуми. Штаб корпуса требует людей, знающих местность. Я еду защищать то, что осталось от нашего парка.

Женщина вздрогнула и отстранилась, с ужасом вглядываясь в его жёсткое, непривычно взрослое лицо:

— В Медуми?.. Господи... прямо туда, в этот ад? Миша, там же земля горит! Там каждую ночь газы... раненых тысячами везут! Не ходи, сынок, проси перевод...

— Не могу, мама. Офицерская честь не позволяет, — Михаил бережно, но твёрдо убрал её руки со своих плеч. — Отец бы не просил перевода. Я должен ехать.

Раздался протяжный, глухой гудок военного эшелона. Паровоз выбросил в низкое небо клубы чёрного, маслянистого дыма. Солдатские сапоги загрохотали по доскам платформы. Михаил в последний раз прижал к себе мать, развернулся и зашагал к своему вагону.

Она осталась стоять на перроне Витебского вокзала — маленькая чёрная фигура посреди серой шинельной массы. В её руках была зажата иконка Спасителя, которой она крестила уходящий на северо-запад поезд. Больше Михаил никогда не видел своей матери. Она умерла от истощения и тифа в голодном, революционном Витебске в начале 1918 года, так и не узнав, что её сын выжил в медумском позиционном аду, взял в плен немецкого генерала и стал поручиком. Два главных ангела-хранителя медумского рая — генерал и его муза — ушли в небытие, оставив Михаила один на один с пеплом его уничтоженного детства.

Эшелон, тяжело отдуваясь паром и содрогаясь на стыках рельсов, повёз прапорщика Михаила Ушакова на запад. Туда, где среди выжженных лесов его детства уже два года хрипела, задыхалась в газовых атаках и гнила заживо в земляных щелях русская армия.

Глава 4 эшелон на фронт

Тыловой Витебск остался позади, растворившись в сером осеннем мареве, пропитанном запахом карболки от госпитальных эшелонов и дешёвой махорки. Военный поезд, переполненный маршевыми ротами, хрипел и содрогался, пробиваясь на северо-запад, к Двинску. Михаил сидел в углу тесного офицерского вагона. Напротив него дремал пехотный капитан с пустым рукавом шинели, приколотым булавкой к груди, а рядом двое юнкеров нервно курили, безуспешно пытаясь скрыть дрожь в пальцах.

Чем ближе поезд подходил к прифронтовой полосе, тем явственнее менялся мир за окном. Пропали ухоженные деревеньки. На станциях больше не торговали бабы варёной картошкой и парным молоком. Вместо них вдоль путей тянулись бесконечные штабеля ящиков со снарядами, разбитые платформы и толпы беженцев с безумными, заплаканными глазами. А потом он услышал *звук*.

Сначала это был тяжёлый, едва уловимый гул, похожий на отдаленные раскаты громыхающей грозы. Но грозы в октябре не бывало. Этот звук шёл из самой утробы земли. Это работал Двинский укрепрайон — сотни тяжёлых орудий с обеих сторон непрерывно перемалывали в щебень и крошево гранитные форты, линии окопов, вековые леса и человеческие тела. Стоявший на сотни вёрст вокруг гул означал одно: там, впереди, гигантская железная мясорубка секунда за секундой перетирает в пыль жизни тысяч людей.

Эшелон не доехал до самого вокзала Двинска — пути впереди были разворочены утренним налётом германских аэропланов. Солдаты и офицеры высыпали из вагонов прямо на насыпь под проливной, ледяной латгальский дождь.

Двинск, который Михаил помнил оживлённым, красивым торговым городом, встретил его мертвенной чернотой. Могучая Динабургская крепость возвышалась над серой Даугавой, словно раненый каменный зверь. Стены были иссечены осколками, стекла в казармах выбиты и заколочены досками. По улицам, утопая по колено в грязной жиже, двигались колонны. Лица солдат, шедших с передовой, вызывали у Михаила оторопь: серые, словно вылепленные из сырой глины, с остановившимися, невидящими взглядами. Это были лица людей, которые уже побывали на том свете и заглянули в лицо черту.

До позиций у Медумского озера прапорщик Ушаков добирался на попутной артиллерийской фуре. Грязь была такой густой, что лошади хрипели и падали от изнеможения, а колеса приходилось выталкивать плечами.

Когда фура перевалила через последний холм, у Михаила перехватило дыхание, а к горлу подступил тошнотворный комок. Перед ним лежало Медуми. Вернее то, что от него осталось.

Знаменитый парк, который его отец с такой любовью закладывал вместе с архитектором Лацким, был превращен в мёртвый, апокалиптический часток. Вековые сосны и редкие канадские ели, под сенью которых когда-то прогуливались нарядные дачники, стояли теперь со срезанными снарядами вершинами, обугленные, голые и расщеплённые, словно гигантские гнилые зубы, торчащие из земли. Изящные резные деревянные дачи петербургской знати, где некогда звучали Шопен и смех барышень, были до основания разобраны немецкими и русскими сапёрами на настилы для грязных окопов и брёвна для блиндажей.

Земля была перепахана тысячами воронок, заполненных до краёв тухлой, подёрнутой маслянистой плёнкой водой, в которой плавали обрывки шинелей, конские трупы и человеческие кости.

Война не просто пришла в этот край — она с безжалостной, механической циничностью пережевала и выплюнула всю красоту и цивилизацию, которую семья Ушаковых сотворила здесь буквально из ничего.

Господский дом генерала Ушакова был стёрт с лица земли. Вместо белых колонн и веранды, где когда-то звенел смех и пахло липовым чаем, торчал остов обгоревшего фундамента. В бывших винных погребах усадьбы теперь располагался перевязочный пункт полка. Оттуда, из чёрного зева подвала, доносился сплошной, утробный вой и хрипы умирающих. Пахло там так, что Михаил едва сдержал рвотный позыв: гноем, йодоформом, несвежей кровью и нечистотами. *Белая беседка-ротонда у воды была напрочь снесена прямым попаданием фугаса, а сам причал, с которого они с братом Николаем когда-то запускали бумажные кораблики, теперь сиротливо чернел изломанными, покрытыми слизью сваями. Глядя на этот кошмар, Михаил почувствовал, как в его груди, вытесняя прежнюю юношескую растерянность, поднимается страшная, ледяная ярость.*

— Чего застыл, прапорщик? Под огонь захотел? — грубый окрик вывел Михаила из ступора.

Перед ним стоял уса́тый унтер-офицер в промокшем насквозь башлыке, со шрамом через всю щеку. Из-под его облезлой папахи на Михаила смотрели воспалённые от бессонницы глаза.

— Прапорщик Ушаков, — выдавил из себя Михаил, протягивая предписание деревянными от холода пальцами. — Направлен в распоряжение командира полка.

Унтер взглянул на бумагу, потом на руины усадьбы, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на жалость.

— Ушаков?.. Так это вашего батюшки-генерала гнездо тут было? Ну, добро пожаловать домой, ваше благородие. Немец как раз к обеду обещал тяжёлыми чемоданами угостить. Бегом за мной в ходы сообщения, пока «германец» аэростат не поднял!

Они нырнули в узкую, тёмную щель окопа. Стены из склизкой латгальской глины едва удерживались плетнями. Вода стояла по щиколотку. Под ногами что-то мягко хлюпало. Михаил опустил взгляд и похолодел: он наступил на полузасыпанный сапог, из которого торчала серая кость.

В окопах пахло сыростью и тлением. Солдаты сидели на корточках в нишах, вырытых прямо в стенах траншеи. Они были похожи на призраков — заросшие, грязные, с воспалёнными глазами. Один из них, без шапки, судорожно бился головой о глиняную стену, монотонно причитая: *«Матушка... матушка, засыплет ведь... засыплет...»*. Сосед не обращал на него никакого внимания, методично выковыривая вшей из швов грязной гимнастерки.

— Контуженный, — бросил на ходу унтер-офицер. — Вчера их взвод в блиндаже накрыло германским двенадцатидюймовым. Живым только его откопали. Умом тронулся. Назад в тыл не отправляем — везти некому, да и людей не хватает.

Окоп вывел их к передовому командному пункту — низкому, заваленному брёвнами и мешками с землёй блиндажу. Внутри, при свете коптящей гильзы-самоделки, склонившись над картой, сидел командир батальона, капитан Леонов — человек с землистым лицом и седыми висками, хотя на вид ему было не больше тридцати пяти.

— Прибыли, господин капитан, — доложил унтер. — Пополнение из школы. Прапорщик Ушаков. Михаил Михайлович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.